

Пролог

На указанном лично генералом Крутовым маршруте документы у химзвода проверили шесть раз. Сначала это сделал разморенный жарой усатый сержант-контрактник, лениво вышедший из накрытой маскировочной сетью груды бетонных блоков. Верх сетки был прикреплен к побитому временем и пулями здоровенному жестяному щиту с облупившейся надписью: «Добро пожаловать в...» Нижняя часть щита была покрашена относительно недавно — на белой поверхности солдатские руки не слишком ровно начертали при помощи рыжего сурика: «Стой! Предъяви документы!»

— Ни черта себе названьице... — пробурчал лейтенант Мудрецкий, провожая взглядом красно-бурые буквы. — Вот это мы приехали!

Местность, куда так радостно пригласили химиков, вполне, надо заметить, соответствовала названию.

Проверяли при въезде и выезде. Проверяли хмуро и подозрительно — в этом случае магически действовали подпись Крутова и могучее заклинание: «Мы из резервной тактической группы...» — к тому моменту, когда нужно было говорить номер армии, одна рука проверяющего возвращала бумаги, а вторая уже летела к головному убору (если он имелся на положенном месте). Проверяли равнодушно — скользили взглядом по печати и подписи, вяло отмахивались и уходили поскорее в

тенек. Проверяли и с дружескими напутствиями — когда выяснялось, что взвод только что прибыл из России и еще ни черта не разбирается в особенностях местной жизни.

В конце концов изрядно помятая и потерявшая изначальную белизну пачка бумаг оказалась в руках такого же мятого и несвежего старлея с нашивкой внутренних войск на рукаве. Встретивший маленькую колонну у въезда в село местный житель в милицейской форме и с «калашом» на плече после долгих уговоров чуть ли не за руку вытащил этого представителя военной власти из домишки с российским триколором на телевизионной антенне.

— Комендант Хохол-Юрта старший лейтенант Чирков, — со вздохом отрекомендовалась военная власть и погрузилась в угадывание букв на документах. Минут через пять сонное выражение на старлейском лице сменилось встревоженным. — Эй, эй, земляки, вы чего, ко мне на усиление?! Я ничего такого не просил! У меня все тихо!

— А мы просили? А нас кто спрашивал? — Мудрецкий начал тихо звереть от всего, что ему уготовила родная армия за один день. Вот сейчас выяснится, что опять вышла какая-то ошибка и им нужно куда-то дальше ехать... По Чечне, между прочим, хотя тут вроде бы и тыл. А время уже крепко к вечеру. — У меня приказ от генерала Крутова, лично! Доехать до Хохол-Юрта, наладить взаимодействие с комендатурой, занять позиции и ждать дальнейших распоряжений!

Простое словосочетание «занять позиции» добило старлея Чиркова. Влет и почти насмерть — если судить по окончательно ослабевшему голосу.

— Какие позиции, вы что? Вы вообще что здесь собираетесь делать?! Какие спецсредства, ребята, у меня здесь два месяца тихо!..

Опровергая слова коменданта, где-то далеко за селом грохнули два приглушенных взрыва.

— ...Разве что рыбу иногда глушат! — даже не покусившись в ту сторону, закончил Чирков. — Ну вот зачем в наших краях группа специального назначения, а? Да еще взвод спецсредств? Или это такой секрет, что коменданту знать не положено?

— Такой, что даже командир взвода не знает! — четко и честно заявил Юрий. — Мы, понимаешь ли, едем, куда послали, а не куда хочется. С тобой что, по рации никто не связался?

— У меня связь по плану — три раза в день. В обед точно ничего не было, а до вечерней... — Комендант поглядел на часы. — До нее, значит, еще полтора часа.

— А на приеме никто не сидит, что ли? — изумился местным порядкам Мудрецкий. Как-то не так он себе представлял воюющую армию. Ну, пускай, это даже не вся армия, и, судя по благодущию старлея, давно не воюет, но все-таки — зона боевых действий... Опять-таки, обстановка сложная, если усиливают... — Вот если сейчас что-то случится и срочно вызвать нужно будет, тогда как?

— На приеме никто не сидит, потому что аккумуляторы дрянь, а рация и того хуже, — впервые за всю беседу улыбнулся Чирков. — Когда что-то будет срочное, местной администрации позвонят раньше, чем про меня начальство вспомнит. А мэр уже мне сообщит, я и свяжусь вне очереди... если получится. Кстати, а у вас со связью как? — несколько оживился комендант.

— «Сто двадцать третья» на «бэрдэме» и три «сто пятьдесят седьмых», — припомнил Мудрецкий, и мятый старший лейтенант заметно поник. Покачал головой, опять сокрушенно вздохнул:

— Ладно, до Шелковской, может, и докричимся если что, а они уже дальше передадут. Ну, отдохайте пока, а через полтора часа, может быть, я и выясню, что с вами делать и за что вас на мою голову вывалили.

— Слушай, старлей... земляк... — Юрий попытался обратиться как-нибудь помягче. Для этого приходилось задвигать свои чувства в самый дальний угол и придавливать их там остатками хорошего воспитания. — Ты покажи пока, где нам размещаться. Учти только — палаток у нас нет, сухого пайка нет, патронов... — Мудрецкий хотел было сказать, что и патронов тоже нет, но решил быть честным. К тому же — черт его знает, этого коменданта, которому новости местная администрация сообщает. — Патронов тоже побольше бы не помешает. Нам вообще сказали, что мы здесь все получим и на довольствие в местной комендатуре становимся.

— А я ничего не знаю, мне никто ничего не говорил! — завертел головой Чирков. Нашел взглядом «шишигу» и уставился на нее так, словно из ее скромного кузова сейчас вылезет полсотни проголодавшихся головорезов с добрыми повадками некоторых диких племен. Тех, которые своих соседей настойчиво приглашают на завтрак, обед и ужин — в качестве главного блюда. И первой закуской, несомненно, должен был оказаться именно он, попавшийся под руку комендант этого небольшого села. — Сколько вас вообще?!

— Двенадцать человек. Если со мной считать, — уточнил Юрий. — А по продуктам — тринадцать, одному у нас двойная норма положена.

В подтверждение этих слов из кабины грузовика выбрался-выдавился Простаков, которому надоело сидеть, скрючившись в три погибели. После его прыжка окрестности слегка покачнулись; впрочем, на извечно склонном к землетрясениям Кавказе никто на это не собирался обращать излишнего внимания.

— Так, на три... нет, на два дня я вам сухпай найду. — Приближение огромного младшего сержанта явно заставило мозги Чиркова шевелиться быстрее. — Потом вам придется за ним в Шелковскую сгонять или куда там вас припишут, я не знаю. Патронов к автомату ящик дам, больше не получится. Вот гранаты к подствольнику лишние есть — надо?

— Нет, спасибо, пока обойдемся. — Подствольный гранатомет Мудрецкий, само собой, видел не только в кино — у разведчиков в батальоне такие, кажется, были, — но вот стрелять из него пока что не доводилось. Как, впрочем, и держать в руках. — Слушай, земляк, а может, у тебя «шмели» лишние найдутся?

— Ну вот, а я у вас спросить хотел... — в который уж раз за последние полчаса расстроился невзрачный комендант. — Не, я свои уже давно вы... сдал, в общем. Не нужны они здесь. Химик, а химик, у тебя «ЯДГ» есть? Слезогонка? Нет, я на что-то ваше особенное и не прицениваюсь, но, может, хоть парочку шашек неучтенных найдете?

— Там видно будет, — осторожно ответил Мудрецкий. — Так где нам можно разместиться?

— Погоди, это так просто не решишь. Надо с Вохой поговорить, ну, с администрацией здешней. Так и так, приехали, мол, гости из... Откуда, кстати, приехали-то?

— Из Шиханов. — Путаницу с Чернодырьем Юрий решил не продолжать.

— Из Шиханов, из Шиханов... — забормотал комендант, потом это название перемкнуло какой-то контакт у него в голове, и глаза старшего лейтенанта Чиркова полезли на побледневший лоб. Комендант вдруг куда-то заторопился. — Знаете, я, наверное, пока что и сам кое-что подыскать могу. Ну, на первый случай. А потом лучше найдем, честное слово, вот только обсудим, обязательно, сейчас без этого никак нельзя... Вам как, если просто крыша и стены, пока хватит? Ну, на сегодня, пока погода теплая? Потом мы и с печкой найдем, и вообще...

— Ладно, так что у вас там? — от перемен в состоянии коменданта начинала кружиться голова, а Юрию не хотелось терять боеспособность и контроль за ситуацией. — Где вы нас поселять будете?..

Когда коротенькая колонна химиков зафыркала и попылила в указанном лейтенанту направлении, старлей Чирков схватился руками за потяжелевшую голову и немного покачал ею, словно проверяя — на месте ли, не отвалится ли случайно. Потом повернулся к чернявому усатому автоматчику в милицейской форме и горестно спросил:

— Ну вот что мне теперь делать, а? Химиков только мне не хватало! Химиков, понимаешь?! Еще и из Шиханов! Знаешь, что это такое? Это у них почти как Арзамас-16, только по отраве! Угадай, что теперь будет?

— Башир будет, — понимающе кивнул милиционер. — Он химик не любит. Когда брат Москва погиб — совсем химию не любит, хотел взрыв на химзавод делать. Теперь узнает — им тут не жить, нам тут не жить. Капец к нам приехал, товарищ старлей.

— Получается, что так, — вздохнул комендант и опять посмотрел на оседающее пыльное облако. — Так

и доложим начальству — сегодня генерал Крутов прислал нам полный звездец. И нам, и всему селу. Что делать-то будем, а?

— Вохе говорить надо, — посоветовал автоматчик. — Он тут главный, пусть думает. Сам знаешь, у него...

— Не знаю и знать не хочу, — резко перебил старлей. — Узнаю — должен буду принять меры, понял? Так что давай сделаем просто — никому ничего пока не скажем. Прислали нам войска на усиление, мы их разместили... совместно с администрацией. А кто там теперь стоит — может, и не узнает никто. На них же не написано...

— Узнают, товарищ старлей, — возразил усатый. — Войска не машина, в гараж не запрешь, чтобы не видел. Три дня — все знают, четыре — Башир знает, неделя — мстить придет. Всех сразу резать будет. Вохе сказать надо. Пусть со своим... ну, сам знаешь, с кем... подумают, что делать будем. Слушай, товарищ старлей, ты мне один вещь скажи — зачем так мало прислали, да? Там и ползвода нет! Это что, такой спецназ крутой?

— Похоже на то, — задумчиво пробормотал Чирков. — Видел, сержант у них какой здоровенный? Да еще и патронов им побольше... Зачем химикам патроны, а? Нормальные химики вообще стрелять не должны!

— Значит, ненормальный химик приехал, — сделал вывод милиционер. Очень точный вывод, хотя ни он, ни его собеседник об этом знать не могли. Но уже начинали догадываться о том, что приключений и происшествий в тихом и до сегодняшнего дня позабытом Хохол-Юрте теперь хватит на всех. С избытком, еще и про запас останется.

Глава 1

ГДЕ-ТО НА ЮГЕ

Ефрейтор Резинкин осторожно приоткрыл дверь и на мгновение высунул голову в проем. Тут же отшатнулся. Вовремя, очень вовремя — мимо носа просвистело, потом дважды щелкнуло по доскам крыльца. Жестяная крыша над головой звенела от частых и сильных ударов. Через щель было хорошо видно, как грязь во дворе выбрасывает невысокие, тут же опадающие фонтанчики.

— Плохо дело, товарищ лейтенант, — не оборачиваясь, пробормотал Витек. — Не пройдем мы, точно говорю, не пройдем.

— А если перебежкой? — тотчас отозвался из глубины дома взводный. — Быстренько проскочишь, нырнешь в люк, подгонишь бээрдээму к самой двери...

— Не получится перебежкой, не добегу я. Так в этой грязи и останусь. — Голос Резинкина стал тоскливым, как вой брошенной хозяевами собаки. — Вы сами посмотрите, товарищ лейтенант, что тут творится! Вот же попали, называется, на курорты солнечного Кавказа!

— Ничего, ничего, не раскисай раньше времени! — Мудрецкий появился в коридоре, привычно подпернул сползающий с плеча ремень автомата. — Что у тебя тут, совсем плохо? Дай-ка разберусь, что к чему... Ну, это еще терпимо, вчера хуже было! Так что готовься — Родина ждет от тебя подвига! Если что, буду перед генералом Крутовым хлопотать, чтобы орден дали.

— Разве что посмертно, товарищ лейтенант, — все так же тоскливо вздохнул Витек, глядя на хлюпающие фонтанчики. — Вчера двор не так развезло, бежать проще было, и то чуть без ноги не остался.

— А ты надеялся что-то от Крутова при жизни получить? — удивился лейтенант. — Конечно, посмертно! А насчет ноги — это ты будешь молодым в Чернодырье рассказывать, когда вернемся. Подумаешь, увяз! Вот погоди, просохнет малость, я тебя заставлю этот бахил раскопать и привести в порядок. Ты почему его не завязал как следует, Резина ты пробитая?! Ну ладно бы на скорость надевал, норматив бы сдавал, а то для себя ведь! Вот и плюхай теперь в берцах!

— Товарищ лейтенант, за что?! — в ужасе взвыл Резинкин. — Может, лучше Леха сгоняет?! Ему там по щиколотку только!

— Ага, и машину тоже он подгонит? — ехидно поинтересовался Мудрецкий. — И даже заведет с одного раза? Эй, Простаков, тут твой боевой товарищ предлагает на тебя стрелки перекинуть — говорит, тебе сейчас по двору бегать удобнее!

— Товарищ лейтенант, разрешите, я его сам перекину?! — ведущий внутрь дома проем перекрыла огромная пятнистая глыба. — Он у меня прямо на броню перелетит, и ног не замочит!

— Я сам, я сам! — заорал Резинкин, попятившись от сибирского Гулливера и прижимаясь спиной к двери. — Товарищ лейтенант... Вы, если что, домой напишите — мол, геройски погиб при исполнении, все такое... Может, им хоть льготы какие-нибудь будут.

— Так, все, у меня через девять минут связь с генералом, и я уже зверею! — Мудрецкий внимательно по-

смотрел сначала на Простакова, потом на Резинкина. — Товарищ ефрейтор, возьмите бахил у Заморина, влазьте в о-зэ-ка, и через три минуты я вижу вашу задницу ныряющей в люк. Если опоздаете — на четвертой минуте Простаков начинает готовиться в сборную по баскетболу. Поскольку мяча у нас нет — будем играть вашей головой. Понятно? Вр-ремя па-ашло-о-о!!!

Как может подняться пыль в сыром коридоре — да не просто подняться, а закрутиться мелкими вихрями! — так никто и не понял. Но факт оставался фактом — взвились вихри, повисли и долго еще не могли успокоиться, хотя поднявший их Резинкин уже скрылся. Откуда-то из глубины здания донесся обиженный голос рядового Заморина. Донесся и затих, подавленный короткой, но вполне отчетливой серией шлепков — словно кто-то пробежался по фанере в резиновых калошах. Простаков ошалело потряс головой и отлепился было от стены, куда его вдавил воздушный поток, но тут же вновь прижался к облупившейся штукатурке. Мимо него промчалось привидение — едко-зеленое, с горящими глазами под низко надвинутым капюшоном. Лейтенант вовремя успел пнуть входную дверь — привидения-то умеют проходить и через запертые, а вот «ОЗК» — они резиновые, они сквозь такие преграды проникать точно не могут. Так что порчу казенного имущества следовало предотвратить...

Через полминуты перед дверью возникла зеленая бронированная туша, покачивающая в такт неторопливому движению длинным прутom антенны. Колеса еще раз натужно провернулись, вывернули липкие пласты и бессильно замерли. Из люка взвилось привидение, пе-

релетело на жалобно вякнувшие доски крыльца, ворвалось в дверь и отрапортовало:

— Товарищ лейтенант, приказание выполнено, машина в полной готовности, радиостанция включена!

— Ну вот, а ты ныл — не дойду, утону!.. — Мудрецкий посмотрел на часы. — Вот можешь ведь, если захочешь! Четыре минуты на все про все, вместе с движением. Все, давай плащ сюда, пошел я с начальством общаться... Потом отгонишь машину на место и свободен до вечера. Можешь поспать, тебе в караул ночью.

— А может, здесь ее пока оставим, а вечером я... — забормотал было ефрейтор, но под взглядом командира сжался, замолчал и начал стаскивать влажно блестящую химзащиту.

— Ты ее здесь оставишь, а Фролу у ворот с одним автоматом прыгать если что? Это тебе не такси, это огневая точка вроде бы. Ты теперь в армии, а не в гостях у подполковника Стойлохрякова, боец! — Лейтенант говорил почти ласково, но Резинкин на всякий случай начал потихоньку отступать за широкую спину Лехи Простакова. Мало ли что? Это год назад взводного, «пиджака» интеллигентного, можно было подкалывать и временами в упор не замечать. А уж как изменился, когда в эту долбаную Чечню попал... Откуда только у бывшего близорукого студента с язвой и командный голос взялся, и взгляд, от которого иной раз Леха меньше ростом становится — снизу вверх на командира смотрит?

— Так, давай плащ сюда, и я пошел! — Мудрецкий завернулся в шуршащую зеленую оболочку и выскочил под проливной дождь. Одним движением вскочил на броню, вторым — скрылся в люке, третьим — высунулся

из «БРДМ» и показал Резинкину кулак. — Почему люк за собой не закрыл?! Ну погоди, Резина, вылезу — порву!!!

— Ага, только сначала просохни, — хихикнул Витек, как только тяжелая крышка опустилась на предназначенное ей место.

— Ты чего это? — удивленно уставился на него Простаков.

— А ты сам прикинь — люк-то я открывал над командирским местом... Допер?

— Не-а, — честно признался Леха.

— Во-во, и он тоже не сразу, только когда уже на сиденье плюхнулся. Ну, люк открыт, дождик — сам видишь, сиденье — клеенка, да еще и продавлено малость. А ему на радию работать надо срочно, он и сел с размаху, не глядя. Как думаешь, много там натечь успело?

— Наряда на два точно. — Широкое сибирское лицо расплылось в ехидной ухмылке. — Так что выпись сегодня получше, завтра не получится. Слушай, а вообще-то прикольно, что мы сюда попали, точно? Будет о чем дома рассказать — все-таки на войну съездили!

— Вот погоди, обратно приедем, тогда и говори, — проворчал Резинкин. — Как оставят нас тут до самого дембеля... А потом кто-нибудь возьмет и приколется. И нас заодно приколет. Ну его на хрен, такое приключение, и без него будет чего вспомнить... Скажешь, нет?

— А чего такого вспоминать-то? — Леха задумался. Крепко задумался. Как всегда, этот процесс затянулся надолго...

В это время лейтенант Мудрецкий занимался одновременно двумя важными делами — укладывал на мокрое сиденье пятнистый бушлат, снятый со спинки водительского сиденья, и пытался настроить радию. Ста-

ренькая рация хрипела из последних сил, иногда горестно подвывала, но соединять взвод спецсредств с командованием отказывалась напрочь.

— Сорок два полста один, Сорок два полста один, я Сорок два тридцать пять, прием. — Мудрецкий поплотнее прижал черные кожаные «пилюли» ларингофонов к шее. — Сорок два полста один, ответьте Сорок два тридцать пятому, прием...

Рация насмешливо заулюлюкала, потом раздался отчетливый и узнаваемый звук сливаемой в унитаз воды. В наушниках побулькало, потом помолчало минутудругую и начало задумчиво насвистывать.

— Сорок два полста первый, Сорок два полста первый, отвечайте Сорок два тридцать пятому, прием...

Рация сердито зарычала и неожиданно откликнулась хриплым, смутно знакомым голосом:

— Задолбал ты, Сорок два тридцать пятый! Если так приспичило поговорить — мотай в комендатуру и по телефону позвони! Ну не слышат тебя, не слышат! Чего орешь-то, чего эфир засоряешь?

Мудрецкий от неожиданности подпрыгнул так, что крышка люка, встретившаяся с упакованной в шлемофон макушкой, зазвенела и чавкнула раскисшим уплотнителем.

— Я Сорок два тридцать пять, кто на связи?!

— Ага, не узнал! Богатым буду! — радостно хихикнули наушники. — Я Триста шестьдесят шестой, помнишь такого? Заходи, поговорим, тут как раз новостей пачка. Один черт: не докричишься до начальства — твою Сто двадцать третью и в Гудермесе не слышать уже, а Полста первый сейчас в Ханкале. С московскими дружками водку пьянствует.

— А ты-то откуда знаешь? — изумился Юрий. — Что, в пачке новостей и эта есть?

— Есть, конечно. Приедешь, могу даже сказать, с кем именно. Три часа назад прилетели, а местные уже и звездочки на плечах пересчитали, и по должностям знают. Секретность у вас в армии, блин... Давай подваливай. Будем проводить профилактику терроризма, преступности и простудных заболеваний. В такой сырости они очень хорошо распространяются, так что надо срочные меры принять. У меня все снаряжение уже готово, но можешь и свое прихватить, чтобы никому мало не показалось. Как понял, Сорок два тридцать пять?

— Триста шестьдесят шестой, вас понял! Понял хорошо, жди! Сейчас подъеду! Конец связи! — Мудрецкий быстро вырубил рацию, приоткрыл люк и заорал: — Резинкин!!! Отдых отменяется — хватай Заботина, берите оружие и быстро сюда! Простаков! Я уезжаю, остаешься за старшего!

Юрий прислушался к топоту и мату, бурным потоком хлынувшему из двери. Вздохнул и покосился на баранку руля. В сотый раз прочел вырезанное на ней мрачное предупреждение: «Кто в жизни счастья не нашел, тот в химвойска служить пошел!» Кивнул, соглашаясь. От этого нехитрого движения что-то сдвинулось в голове, встало на место, и Мудрецкий припечатал вовремя пришедшую мысль звонким шлепком по лбу. Заначка! Пока Резинкин возится, заначку надо достать!

Хорошо, что «БРДМ» — машина тесная, это вам не какой-нибудь «Хаммер» Филиппа Киркорова: вагон размера и на две гайки смысла... Не-ет, наш родной армейский уют как-то ближе. И функциональнее. А всяческие прибабасы... Ну есть там у него встроенный бар со

всякими джинами и висками, и что? Чем мы хуже? Ничем. Юрий перегнулся через спинку сиденья, придирчиво оглядел висящий на борту серый ящик со странным для посторонних названием «АСП». Прислушался к происходящему за бортом броневика, не отметил ничего подозрительного и решительно открыл прибор. Пошарил в нем, извлек хищно булькнувший пластиковый пакет и удовлетворенно запихал подальше за пазуху. Захлопнул крышку. Шкафчик получился удобный, а главное — сразу не видно, есть ли там что-то постороннее. Знать нужно, где в нем искать...

Тут лейтенантский взгляд упал на соседний небольшой зеленый ящичек. Точнее, на защелку крышки, подозрительно ярко блестящую в полумраке боевого отделения.

Осторожно, словно мину неизвестной конструкции, Мудрецкий вскрыл знакомый еще с военной кафедры прибор. Запустил руку в пластиково-металлические потроха, не обнаружил ничего постороннего, не полагаясь по инструкции и принципиальной схеме. Хотел уже облегченно вздохнуть — но воздух в горло не пошел. Вместо этого пришлось невольно задержать дыхание, пока пальцы осторожно свинчивали резьбовую крышечку и нашаривали нечто совсем уж в этом устройстве лишнее — только вот непонятно — что именно. На ощупь резиновое... Брезгливое воображение Юрия уже представило себе использованный презерватив... а пальцы между тем уже сделали свое дело.

И в самом деле — «резинотехническое изделие номер два», как его когда-то называли в советских аптеках. Завязанное узелком. Вот только содержимое этого изделия было для него несколько необычным.

Мудрецкий аккуратно развязал узелок, вытащил темный шарик, чуть потер пальцем и понюхал. Она, родная... Резинка с изъятой контрабандой отправилась вслед за персональной лейтенантской заначкой, а прибор был приведен в изначальное состояние. Небеспособное, разумеется. За что сегодня кто-то получит отдельную премию. Не Нобелевскую, конечно, но все равно мало не покажется. А еще надо бы не забыть выяснить, где бойцы ухитрились саму упаковку достать. С учетом того, что ближайший ларек — да и аптека, если уж на то пошло, — в четырех километрах отсюда. Если по прямой, то есть через лес, два канала и минное поле.

Простучали доски крыльца, потом гулко ухнули по броне подошвы солдатских ботинок. В соседний люк вместе с потоками дождя ворвался Резинкин, плюхнулся на свое место и тут же захлопнул за собой крышку. Обернулся, чтобы повесить на спинку автомат, несколько секунд соображал, чего же не хватает на привычном рабочем месте, а потом жалобно обратился к Мудрецкому:

— А... Это... Товарищ лейтенант, вы мой бушлатик не видели?

— Вот этот, что ли? — Взводный чуть приподнялся и вытащил из-под себя изрядно промокшую камуфляжную тряпку. — Держи, спасибо. Сильно пригодился. А то тут какой-то мудака криворукий люк забыл закрыть, натекло на сидушку. Найду козла — два наряда вне очереди получит. Ты не знаешь, кто бы это мог быть?

— Никак нет, товарищ лейтенант! — поспешно отпартовал Витек. — Может, из молодых кто?

— Не знаешь, значит, кто у тебя в машине последним был. — Мудрецкий вздохнул и покачал головой. —

Эх, Резинкин, Резинкин, а ведь это твой броневик, ты должен и во сне чувствовать, когда кто-то даже рядом проходит... Ну, раз не знаешь, кто без тебя вверенную тебе боевую технику гоняет, да еще и в зоне боевых действий...

Лейтенант несколько секунд любовался, как лицо водителя меняет цвет от красного до молочно-белого. Дождавшись, когда физиономия засветится лунным сиянием, Юрий сменил гнев на милость:

— Ладно, не будет тебе трибунала, хотя дисбат по тебе, раздолбаю, не плачет даже — нервно всхлипывает, все ждет и никак не дождетса в свои крепкие объятия... Шлепнуть бы тебя на месте, да патронов жалко, пригодятся еще. Так что два наряда возьми себе, будешь нашу развалину в жилой вид приводить. При помощи ведра и тряпки. А то натоптали за последние дни, свиньи, наляпали грязи, прямо как коровы какие-то... Только сначала потолок подбелишь, да и стены тоже кое-где не помешает. Да, а Заботин где пропал? Ты его вызвал?

Снова застучали доски крыльца, кто-то плюхнулся на броню и начал скрести ногтями крышку командирского люка. Потом в стальной блин вежливо постучали.

— Занято! — откликнулся Мудрецкий. — Так, Резина, время не ждет — заводи и поехали к воротам!

Постучали настойчивее и звонче — похоже, прикладом. Пришлось открывать и смотреть на фигуру в плаще, мрачной тенью нависающую над люком. Из-под капюшона выглянул встревоженный Заботин — единственный «дед» взвода.

— Товарищ лейтенант, чего тут у вас?

— У нас? — Мудрецкий удивленно оглянулся на Ре-

зинкина. — Да в общем-то ничего особенного, все как всегда. Вот, Валета сменить нужно, со мной поедет. А что случилось-то?

— Да вот... — Заботин замялся и зачем-то высунул из-под плаща дуло автомата. — Говорят, воевать скоро будем.

— И кто говорит?

— Леха сказал, еще до того, как... В общем, сразу, как вы крикнули. А чего, товарищ лейтенант, и в самом деле война?

— Тут каждый день война, не знаешь, что ли?

— Да ну, я про настоящую... — Заботин отмахнулся и поправил перекосившийся плащ. — Народ говорит, нам чичики за «Норд-Ост» мстить будут. За то, что их там потравили... Мол, мы тоже химики, вот и ответим.

— Надо будет — и ответим, Заботин. — Лейтенант снова нахмурился, на этот раз грозно. — Чисто конкретно ответим, так, что никому мало не покажется. Так народу и передашь, когда с поста сменишься. Что там за народ, кстати, с такими точными сведениями?

— Слухом земля полнится, товарищ лейтенант. Так что, значит, точно война? Может, тогда еще кого-нибудь мне на подмогу поставите?

— Пока что обойдешься, поскучаешь. — Мудрецкий еле сдержал облегченный вздох. Очередная сплетня, значит. Самозарождающаяся из местной грязи. — Вот приеду от коменданта, там видно будет. А то кое-какие новости мне лично сообщить грозятся, по рации нельзя — очень уж секретно... Может, нас сейчас на какую-нибудь спецоперацию кинут. Мы ж все-таки резервная спецгруппа теперь, вот и могут вспомнить. Заводи, Резинкин! Да, кстати, хочешь домой раньше времени?

— Это смотря в каком виде! — моментально догадался Резинкин. Бронемашина дернулась раз-другой и нехотя начала разворачиваться. — Погодите, товарищ лейтенант, а то... ну, екарный!..

Под кормой захрустело и затрещало.

— Перед побелкой еще и чинишь крыльцо, — кивнул Мудрецкий. — Смотри, ворота не снеси — Простакова в помощь не дам, в одно рыло будешь все на место ставить!

— Вот не надо бы под руку! — взмолился ефрейтор, с натугой выворачивая баранку руля. — И так по этой грязюке она не идет почти... А если на операцию — Валет-то вам зачем понадобился?

— Стреляет хорошо и бдительность на высоте! — отрубил Юрий. — Солдат, проснись! Не в Госдуме, блин! Может, ты еще приказы обсуждать будешь?! В первом чтении, во втором... Так давай, не стесняйся, я тебя сразу на второй срок переизберу! Хочешь по второму сроку Родине служить?

— Никак нет, товарищ лейтенант! — Даже в тусклом свете, еле-еле сочащемся из притененного «ресничкой» стекла, лоб Резинкина заблестел от крупных капель пота.

— А почему? — вкрадчиво поинтересовался командир. — Не любишь Родину, что ли? Так я тебя научу ее любить! А уж как она тебя полюбит, Резинкин! Никакой бабы после этого не захочется. Да и не сможешь ты после этого уже никого любить. Не будет у тебя такой возможности. Вон, в Шиханах говорили — рядом с нашим Саратовом какой-то могильник ядерный, им дозиметриста не хватает. Я тебя быстренько научу, там ничего сложного... Стоп, приехали!

На полуспущенных шинах и в липкой грязи у бронированной разведывательно-дозорной машины тормозной путь практически отсутствует. То есть останавливается она сразу — со всеми возможными последствиями для экипажа. Мудрецкий успел упереться лбом в броню и покрепче вцепиться в кресло, Резинкин откинулся на спинку сиденья и изо всех сил уперся в руль. Что-то жалобно звякнуло за его спиной, и тут же Виктор схлопотал по затылку чем-то железным, гибким и колючим. Обернулся — из-под пулемета свисала длинная, поскверкивающая желтыми пулями лента. Конец ее терялся где-то за спиной взводного. Одной рукой лейтенант держался за поясницу, второй выковыривал зеленую жестяную коробку из-за сиденья.

— Какой раззвездяй в последний раз пулемет заряжал?! — Мудрецкий все-таки вытащил жестянку и теперь подкидывал в руке, словно примериваясь, в кого бы ее запустить. — И вообще, кто его заряженным оставил?! Вот заденете однажды спуск не вовремя — и будет из кого-нибудь нежный мясной фарш... Русским же языком говорил: вынимайте ленту! Каждый раз вынимайте! Там за пять секунд зарядить можно, если вдруг что!

— Так это же целых пять секунд, вот как раз и нехватит... — пробормотал Резинкин.

За бортом раздалось мерное хлюпанье. Пришлось открывать люк и выглядывать.

— Товарищ лейтенант, а когда меня менять будут? Чего-то я тут уже подмерзать начал...

— Сейчас согреешься. Лично позабочусь, — пообещал Мудрецкий и горестным взглядом окинул свои владения.

Лет десять назад, не меньше, здесь располагалось что-то сельскохозяйственное и механизированное. По крайней мере ржавые останки пары тракторов и каких-то моторов и сейчас можно было обнаружить под выщербленным бетонным забором. Возле покореженных и наполовину сорванных ворот имелась будка вахтера, за две войны изрядно поклеванная пулями и лишившаяся окон — вместо них белела свежая кладка из силикатного кирпича, подслеповато щурившаяся на окрестности узкими бойницами. Заложенные окна были первым строительным объектом, освоенным химиками после заселения в эти развалины. Вторым было приведение если не в божеский, то хотя бы в человеческий вид крыши над бывшей мастерской — ныне казармой резервной тактической спецгруппы. Третий объект из-за проливных дождей остался недостроенным — опять-таки кирпичная сторожевая вышка на бетонной крыше бывшего навеса, когда-то прятавшего от дождя изрядное количество самой мирной техники, а теперь приютившего одинокую «шишигу». Вышка должна была стать шедевром местной фортификации и строилась по персональному проекту лейтенанта Мудрецкого.

Юрий не поленился лично провести эксперимент и выяснить, что силикатный кирпич даже в два ряда не всегда спасает от очереди из пулемета. Обычного «ПКТ», торчащего из башенки химразведывательной машины. Так что башня предполагалась многослойная, на зависть танковой броне, теоретически способной выдержать даже прямое попадание из гранатомета. В ней лейтенант предполагал разместить свой командно-наблюдательный пункт. Сидеть во время боя на чердаке, под тонкими жестянками, было как-то неуютно и не-

удобно. К тому же обзор оттуда был отвратительный, а с крыши навеса — почти идеальный. Как раз в нужную сторону — к лесу и дороге, а заодно и подходы к воротам просматривались.

Местное население к перестройке в развалинах отнеслось спокойно и с пониманием, даже помогло раздобыть цемент. Не бесплатно, совсем не бесплатно, но и не слишком дорого по здешним меркам. Местный комендант тоже полюбовался на строительные работы, дал несколько весьма ценных советов по обустройству в боевой обстановке и в очередной раз шумно обрадовался своей гениальной идее — поселить здесь свалившихся в его вотчину химиков. И места много, и забор крепкий, и для обороны удобно, и до села почти километр лесом, а по дороге — так и все полтора... Комендант сидел со своим взводом в Хохол-Юрте уже несколько месяцев, собирался мирно прожить со здешним населением еще столько же и совсем не хотел оказаться рядом с химиками, если у тех по ошибке сработает какое-то «спецсредство». Тем паче что химики были не свои, а армейские, да еще и прямиком из Шиханов — черт его знает, какую новейшую гадость они могли притащить на полевые испытания...

То, что наши российские специальные газы, — самые гуманные отравляющие газы в мире — не сильно разбирают, кто там свой, а кто боевик, известно всей стране. И ведь заранее не вычислишь, какая тут будет концентрация и нет ли у тебя, случаем, повышенной индивидуальной восприимчивости... Так что лучше держаться подальше. И за лесом. И чтобы от села подальше — химики навоняют и уедут, а комендант останется с мирными... то есть в этом случае уже не совсем мирны-

ми, даже скорее наоборот... жителями. А для старлея эта командировка на войну была не первой и даже не второй, так что добродушие местного населения он сумел оценить и расставаться с ним не собирался. Лейтенант Мудрецкий был об этом извещен прямо в день своего приезда. Как и о том, что ближайшее начальство со стороны Российской армии, которое, по мнению генерала Крутова, обязано химиков обеспечить всем необходимым, находится еще в паре верст отсюда и само не слишком богато... а коменданту никто на незваных гостей-помощников ни патроны, ни сухпай не выделяет и не собирается. Впрочем, любую проблему можно решить...

— Валет! — Лейтенант вспомнил о проблемах, о предстоящем решении и решил еще раз уточнить детали. — Почему в прошлый раз торговались, не помнишь?

— «Вэвэшники» предлагают по сотне патронов за «синеглазку», если автоматные, и пулеметную ленту на двести пятьдесят — за три. Подствольник я пробовал сторговать — говорят, самим нужны, да и менять нам не на что... — Бывший коммерсант, а нынче младший сержант Валетов был самым секретным оружием химзвода, о котором затеявший свой маленький бизнес комендант и не подозревал. — Сухпая нам еще четыре коробки должны на том посту, что возле моста через канал. Замок ихний брался достать по два барана за «ОЗК», но я отказался.

— Это почему?! — возмутился Мудрецкий. — А что мы жрать будем? Тот мешок макарон, которым нас от имени Крутова облагодетельствовали?! Ты вот Простакову скажи, что от двух баранов отказался!

— Уже сказал, товарищ лейтенант. — Фрол был яв-

но весьма горд своими достижениями. — И сказал, что с местными можно договориться по пять за два плаща, если целые и не клеенные нигде, а с бахилами и противогазами — и шесть дают.

— А противогазы-то им зачем? — Возмущение сменилось изумлением.

— Да ну, штука-то полезная... Ну, если что красить, например. Или вот выгребные ямы чистить, тоже очень пригодится. — Валетов дернулся от нахлынувших воспоминаний. — И вообще, мало ли что, товарищ лейтенант. Мы-то здесь — вот местные противогазами и запасаются.

— Продать им, что ли... Там от волковских еще штук пять осталось. А рации мелкие, «сто пятьдесят седьмые», никому не пробовал толкнуть?

— Пробовал, и больше не буду, товарищ лейтенант.

— Это почему же?

— Издеваются. И те, и другие. Местный один хотел парочку купить, детям поиграться, но больно уж дешево хочет — по гранате за рацию. А соседи просто смеются — говорят, наши армейские станции надо в эти... в вибраторы переделывать, тогда, мол, хоть кому-то нужны будут.

— Так, понятно, вопрос закрыт. — Мудрецкий нахмурился: запас товара для обмена стремительно сокращался. Практически до предела. Недельку еще можно продержаться, ну десять дней, а дальше — или колесить по всей Чечне в поисках генерала Крутова, или своим ходом возвращаться в Шиханы, рискуя попасть в гости к прокурору, или начать распродавать имущество, попавшее к химикам не под шумок и горячую руку Простакова, а под личную ответственность лейтенанта Муд-

рецкого. С тем же прокурорским результатом, только статья другая. Но все равно — «в боевой обстановке»... Ну, что-то еще можно будет списать на боевые потери, но всерьез и окончательно проблему решало только оружие. Или его продавать местным — против чего в Юрии Мудрецком решительно протестовало все, включая желудок: голод переносится все-таки легче, чем отравление свинцовой пилюлей — или... Или это оружие нужно применять. Как висящее на сцене ружье у товарища Чехова. Последняя мысль вывела Юрия из безнадежного уныния, и он даже мельком поглядел на покачивающуюся над «бээрдээмой» антенну — не появился ли там черный флажок с радостной черепушкой и берцовыми костями...

— Товарищ лейтенант, ну что, поехали? — Фрол явно предвкушал предстоящие коммерческие операции и не сильно верил в боевые.

— Младший сержант Валетов! Сдать пост рядовому Заботину!

— Ворота одни, будка одна, «шишига» одна, казарма одна, до леса триста метров, за время дежурства происшествий не было, — скороговоркой пробормотал Валетов. — Пост сдал!

— Пост принял! — обреченно ответил взводный «дед» и полез в будку, предусмотрительно не дожидаясь, пока из-под колес стартующей «бээрдээмы» вылетят грязевые фонтаны.

Валетов вскарабкался на броню, деловито стянул бахилы и начал стучать ими по мокрому борту, обтряхивая липкие комья.

— Это ты куда собрался, а? — поинтересовался у него Мудрецкий.